

Н 76 · 217

ИМЕНА И СУДЬБЫ

ББК 9(с) 17+9(с 14 Сам)

ISBN 5-93832-012- 7

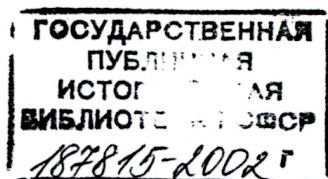
Автор проекта - Владимир Молько

Ответственный редактор - Татьяна Воскобойникова

Редакторы-составители - Алексей Молько

Владимир Молько

*Книга выпущена Издательским Домом «Волжская коммуна»
при участии Департамента культуры Администрации
Самарской области*

ISBN 5-93832-012-7

© Проект и название книги В. Молько

Жизнь и смерть Артема Веселого

Во второй половине восьмидесятых годов в одном из академических институтов на семинаре, посвященном проблеме психологического статуса человека в ходе исторического процесса, выступила известный литературовед и прозаик Л. Я. Гинзбург. Вспоминая о времени Большого террора, Лидия Яковлевна говорила об атмосфере какого-то странного возбуждения, которая была в кругах научной и художественной интеллигенции тех лет, говорила, что созданию этой атмосферы в немалой степени способствовало присутствие довольно значительного числа людей, «растормошенных революцией». Так было найдено слово, определено явление. Разумеется, «растормошенные революцией» были везде. К их числу относился и волжанин — самарский уроженец Николай Иванович Кочуров, известный как писатель Артем Веселый. Он — ровесник той русской литературы, которую несколько десятилетий называли советской.

Опыт революционных событий 1917 года и гражданской войны оказался мощным побудительным импульсом для начинающего писателя, создал предварительные условия для того, чтобы в процессе творческой эволюции выработался историзм художественного мышления — один из существенных показателей творческой манеры Артема Веселого.

Так личный опыт писателя перерастал в опыт собственно художественный. Причем Средняя Волга и прежде всего Самара сыграли важную роль в его творческой биографии, мировоззренческих исканиях и художественном опыте.

Артем Веселый родился 17 сентября (по старому стилю) 1899 года. Окончил Третье высшее начальное Самарское училище имени И. С. Тургенева, поступил работать на трубочный завод. В марте 1917 года делает политический выбор — становится большевиком и под руководством В. В. Куйбышева ведет агитационно-пропагандистскую работу. Между мартом 1917 года и августом 1919-го будущий писатель сначала агитатор Самарского общегородского комитета РКП(б), потом боец коммунистической дружины — участник боя под Липягами (между красноармейскими отрядами и частями чехословацкого корпуса, восставшего против советской власти). В этом бою Артем Веселый был ранен в ногу...

После того, как созданная Самарским правительством Народная армия потерпела поражение, а чехословацкий корпус ушел в направлении Сибири, к Владивостоку, Артем Веселый получает все новые и новые поручения. Он — член Мелекесского (ныне — г. Димитровград Ульяновской области) уездного комитета РКП(б), а затем — боец Первого московского полка особого назначения.

Но главное для Артема Веселого в эти годы — журналистика.

Летом 1920 года, заполняя анкету (она называлась «Вопросным листом»), начинающий автор написал: «Газетной работой удовлетворен вполне». И в самом деле! Перелистывая библиографический перечень печатных выступлений Н. И. Кочкурова на страницах газет Самары, Мелекесса, Тулы, Ефремова, находишь и публицистические статьи, и рассказы, и очерки. В них видна работа над словом, которая подготавливала появление писателя Артема Веселого.

Но на его появление работала и сама служба молодого большевика. Так, приехав в Мелекесс в качестве редактора уездной газеты «Знамя коммунизма», Кочкуров обнаруживает беззаконие и жестокий произвол со стороны Мелекесской уездной ЧК. Возник конфликт. Губком РКП(б) поддержал Кочкурова. Было принято решение: «Целиком обновить состав Мелекесской ЧК. Предать суду весь прежний состав. Предложить уездному партии делегировать т. Кочкурова в качестве представителя партии в ЧК».

Будущему писателю знакомство с порядками в Мелекесской ЧК дало богатый материал. Отсюда и вырос эпизод «Филькина карьера» в романе «Страна родная». Вернувшись с германской войны, Филька Великанов подсыпает яд в самогонку и, освободившись таким образом от родителя, находит себе место в уездном исполкоме, в должности разъездного инструктора. А когда его за неграмотность уволили, «умырнул Филька в милицию».

Так — в изданиях 1930-х годов. Между тем в изданиях предыдущего десятилетия эта фраза выглядела иначе: «В партию Филька прописался, умырнул Филька в чеку». Но у этой истории было другое продолжение, остававшееся при жизни писателя неопубликованным. Повествуется о безобразиях, которые в качестве чекиста творил Филька, как он служил «комендантом могил», попросту говоря, палачом, как погиб: «Во время очередного обыска подобрал роговую расческу. Это было замечено кем следует, сообщено начальству, а оно, не утруждая себя специальным разбирательством, нарисовало на синей обложке Филькиного личного дела жирный крест».

По окончании гражданской войны Николая Кочкурова ожидает служба на Черноморском флоте, а затем — учеба в Брюсовском литературно-художественном институте, после которого он окончательно становится профессиональным писателем Артемом Веселым.

Причем специфика его творческого развития была в том, что он в течение почти двух десятилетий продолжал использовать материал для своих книг из запасов, скопленных в промежутке 1917—1920 годов. Все его важнейшие литературные замыслы (за исключением, может быть, только романа «Гуляй, Волга») относятся к первой половине двадцатых — к молодости писателя.

Именно тогда были задуманы два романа — «Россия, кровью умытая» и «Страна родная», и именно тогда писатель создает две повести — «Реки огненные» (1923) и «Дикое сердце» (1924).

Эти повести оказались замеченными, они принесли первую прочную известность. В них впервые заявила о себе насущная для Артема Веселого проблема соотношения стихийной тяги как отдельного человека, так и целых социальных коллективов к свободе, с одной стороны, и целенаправленной воли государства — с другой.

Главных героев повести «Реки огненные» — двух удалых матросов Мишку-крокодила и Ваньку-граммофона — повествователь ласково называет «оторвышами разинскими». В прошлом у них лихость партизанской вольницы, а в теперешнем существовании, которое пришлось на флотские будни начала 1920-х годов, — нарастающее ощущение собственной изоляции. В прошлом — партизанская удаля, а в настоящем — обыкновенная уголовщина. И — «подходящее житишко» разбивается вдребезги.

Об исполненном драматизма соотношении не знающей удержу стихии и организующего, осознанно целенаправленного разума продолжает напряженно думать Артем Веселый и в повести «Дикое сердце», посвященной изображению большевистского подполья на Кавказе в годы гражданской войны. Особое внимание здесь сосредоточено на психологической коллизии между идеей воинского долга и чувством, которое не способно этому долгу последовательно подчиняться. Развертывающаяся в повести психологическая коллизия вбирает в себя и отношения Феньки и Илько, и внутренние противоречия, с которыми «дикое сердце» Илько не в силах справиться.

«Дикое сердце» подвергается испытанию. Вершинной его точкой становится сцена в белогвардейской контрразведке... «Подтаяло» сердце Илько, но зато выдерживает испытание Фенька: чтобы спасти оставшихся на воле подпольщиков, она убивает готового сдать парня. Твердая воля, реализовавшись в выполненном долге, берет верх над импульсивностью «дикого сердца».

Каково же отношение писателя к «оторвышам разинским», обладателям «дикого сердца»? Авторскую позицию помогает уяснить афористическая формулировка из повести А. С. Неверова «Андрон Непутевый» (1922): «Не жалеть нельзя и жалеть нельзя». Сказано это об участниках крестьянского восстания, направленного против Советской власти. С одной стороны, «жалеть нельзя» «оторвышей разинских», поскольку они становятся общественной силой, враждебной всем сразу — и новой государственности, и рядовому мирному человеку, как нельзя жалеть Илько, который готов выдать своих сотоварищей-подпольщиков; с другой стороны, «не жалеть нельзя» «отличительных ребяток», жертвовавших собой в годы гражданской войны, как «не жалеть нельзя» удалого Илько, который рисковал собой ради спасения Феньки вплоть до того момента, как у него, как мы помним, «сердце подтаяло».

Центральные персонажи обеих повестей — носители массового сознания, настроения, представители массовой народной жизни. Закономерно, что в романах, которые были созданы Артемом Веселым в 1920—1930-е годы — «Страна родная», «Гуляй, Волга» и «Россия, кровью умытая», — интерес к мас-

совой народной жизни на путях-перепутьях истории переместился на новый уровень — в сферу романного сознания, «романного мышления».

Естественно, что в романе на передний план выдвигаются персонажи, для которых характерна «приватная» обособленность личных интересов — таковы руководитель уездных большевиков Павел, «барышня-латышка» Гильда, деревенский бедняк Танек-Пронек. Однако их частные интересы оказываются связаны и взаимно переплетены с интересами общественными — межпартийными, групповыми, сословными, классовыми. Сложность картины усугубляется и тем, что между противоборствующими силами заявляет о себе еще одна — тех, кто надеется на «третий путь». «Соломенная сила» деревни, не желая смыкаться с белыми, вступает в борьбу и с большевиками и терпит поражение.

Показательны заключительные строчки романа «Страна родная», подчеркивающие принципиальную незавершенность и «открытость» сюжета: «Дым, огонь — конца-края нет...» Ответ на вопрос о возможных перспективах писатель ищет по двум параллельным, но в разных исторических плоскостях расположенным направлениям.

Роман «Гуляй, Волга», работа над которым была закончена в 1932 году, уводит читателя в XVI век, показывая присоединение Ермаком к Российскому государству неохватных пространств Западной Сибири. Как и в повестях «Реки огненные» и «Дикое сердце», Артем Веселый продолжает напряженно думать о диалектически

противоречивом соотношении центробежных и центростремительных сил русской жизни. На передний план здесь выдвигается соотношение между казачьей вольницей, не способной осмыслить свое место в историческом процессе, и жестокой волей царского самодержавия. В результате волжские повольники незаметно для себя становятся исполнителями государственной воли московского царя.

Жизнь в «Гуляй, Волге» тоже, как и в романе «Страна родная», устремлена в незавершенное будущее, в продолжающуюся историческую жизнь народов России. На создание этой сюжетной перспективы ориентированы образы Волги и Иртыша. Если Волга в сюжетно-композиционном движении романа символически воплощает историческую активность русского народа, то Иртыш аналогичным образом соотносится с жизнью сибирских племен и народов, а также и с жизнью русских переселенцев, землепроходцев, «голодной мужичьей оравы».

Художественное исследование исторической перспективы осуществлял Артем Веселый и в романе «Россия, кровью умытая», работа над которым шла в двадцатые и тридцатые годы. Революция и гражданская война показаны на просторах огромной страны — от Северного Кавказа и калмыцких степей до Заволжья. При этом, в целях эпизации романного повествования, писатель включил в текст и «Дикое сердце», и «Страну родную».

Грандиозная метафора, вынесенная в заголовки «Россия, кровью умытая», задавала новую логику художественного мышления,

1988

требовала решительных новаций. И Артем Веселый энергично работал над романом, однако завершить задуманную эпопею писателю не удалось. В конце октября 1937 года, в самый разгар массового террора, он был арестован и исчез. Сначала родным объявили, что он осужден на десять лет без права переписки, потом, уже после войны, арестовали жену писателя, а когда дочери Гайра и Заяра подросли, арестовали и их, отправив на поселение в Новосибирскую область. (По дороге туда им пришлось побывать на родине отца — в Куйбышевской пересыльной тюрьме.)

Лишь после XX съезда КПСС, в 1956 году, когда вдова писателя и дочери вернулись домой, они получили официальное уведомление: Н. И. Кочуров скончался 2 декабря 1939 года. Тридцать два года спустя, в 1988 году, семье также официально сообщили, что гражданин Артем Веселый скончался 8 апреля 1938 года. При этом в графе «Причина смерти» в обеих бумажках был прочерк: мол, ничего не знаем. Однако в том же 1938 году начальник секретариата военной коллегии Верховного суда СССР Ни-

конов, сообщив о том, что 8 апреля 1938 года писатель был приговорен к расстрелу с конфискацией имущества, добавляет, что место захоронения установить невозможно, «а точной даты приведения приговора в исполнение не имеется, но, как правило, в то время он приводился в исполнение в тот же день».

Приведя эти документы, Заяра Веселая в вышедших в Москве в 1990 году «Воспоминаниях» с грустью и горечью пишет: «Другой официальной версии о судьбе отца пока нет...»

Говорят, у лжи короткие ноги. В данном случае расхожий афоризм явно нуждается в уточнении, в коррективах. Сначала Артем Веселый был оболган в советской печати, затем из официальных источников шла, как мы уже видели, заведомо ложная информация. Понадобилось тридцать с лишним лет после XX съезда КПСС, чтобы правда о жизни и смерти Артема Веселого пришла к тем, кто интересуется писателем и его творчеством. В который уж раз подтвердилось: Бог правду видит, да не скоро скажет.

В. СКОБЕЛЕВ